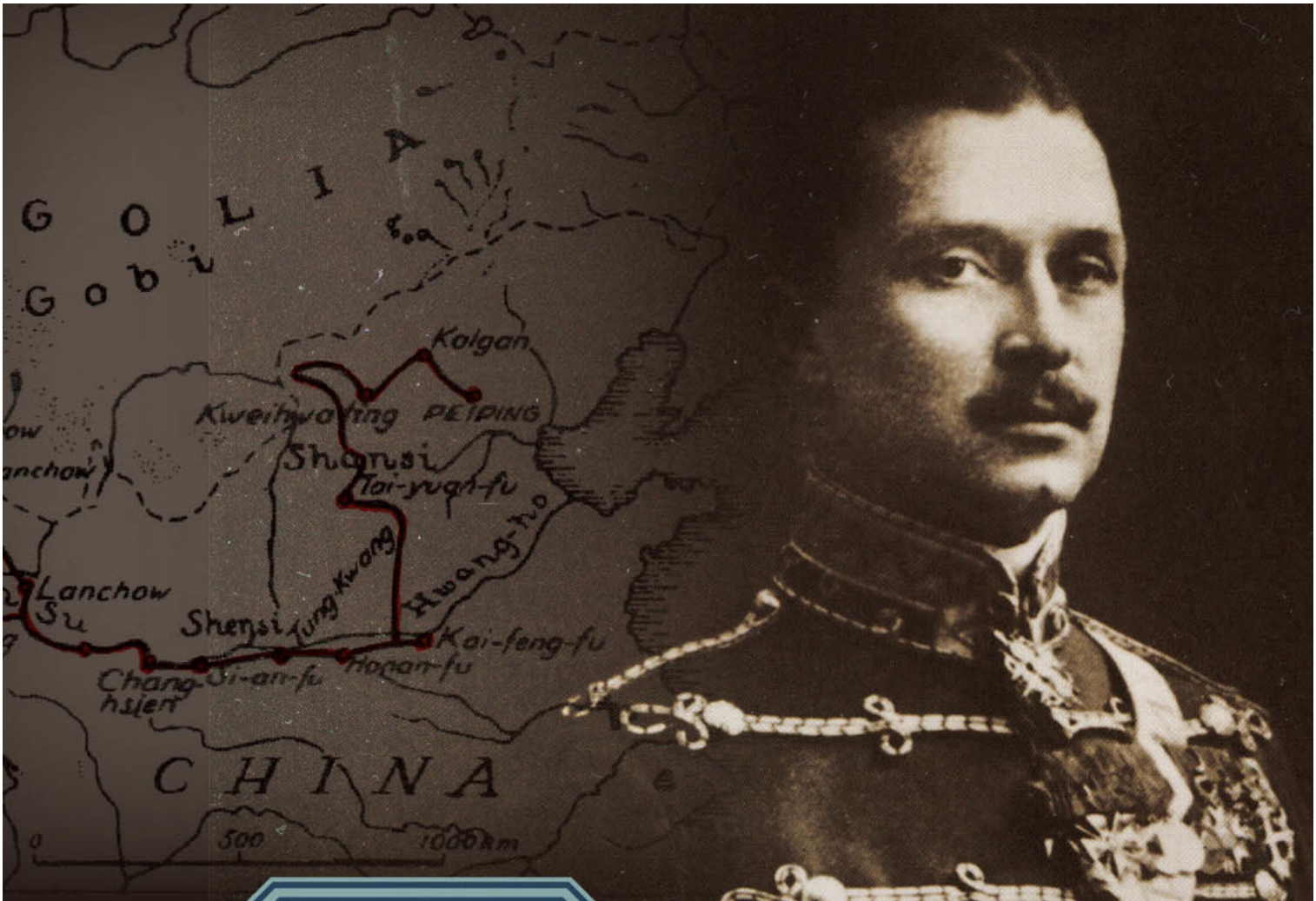

АЛЕКСАНДР
КАРСКИЙ

БАРОН МАННЕРГЕЙМ В 52-М ДРАГУНСКОМ (18-М ГУСАРСКОМ) НЕЖИНСКОМ ПОЛКУ

Азиатская экспедиция 1906-1908

Александр Карский

Барон Маннергейм в 52-м драгунском (18-м гусарском) Нежинском полку. Азиатская экспедиция 1906–1908

«Алетейя»

2018

УДК 94(47)"1904/09"
ББК 63.3(2)52

Карский А. А.

Барон Маннергейм в 52-м драгунском (18-м гусарском) Нежинском полку. Азиатская экспедиция 1906–1908 / А. А. Карский — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907030-64-0

В новой книге Александра Карского, историографа 52-го драгунского (1 8-го гусарского) Нежинского полка, исследуется период с 1 904 по 1 909 год, когда в этом полку проходила служба барона К.Г.Э. Маннергейма. Для воссоздания широкой картины автор использует труды Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны, полковой «Дневник военных действий», мемуары участников событий и прочую литературу по данному вопросу (включая журнальные и газетные публикации), а также архивные материалы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.Книга проиллюстрирована редкими фотографиями, картами, копиями документов.

УДК 94(47)"1904/09"
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-907030-64-0

© Карский А. А., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

Предыстория 6
Часть I 9
1. Отправка 2-й Отдельной кавалерийской бригады в Маньчжурию 9
2. Офицеры 52-го драгунского Нежинского полка 12
3. Сражения под Ляояном и на реке Шахе 15
4. Барон Маннергейм прибывает на театр военных действий 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Александр Александрович Карский Барон Маннергейм в 52-м драгунском (18-м гусарском) Нежинском полку. Азиатская экспедиция 1906–1908

© А. А. Карский, 201 8
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Предыстория

Барон Карл Густав Эмиль Маннергейм (4.6. 1867 ст. ст. – 27.1. 195 1 н. ст.) происходил из финляндских дворян лютеранского вероисповедания. Ранее считалось, что его предки имели корни в Голландии, откуда в XVII веке перебрались в Швецию. Однако в 2 007 году финско-голландская группа исследователей опубликовала сообщение о том, что в архиве Гамбурга была обнаружена церковная книга, согласно которой старейший из известных предков, Хинрих Маргейн (Hinrich Marhein), был крещён в церкви Святого Якоба в Гамбурге 28 декабря 1618 года. Из записи о рождении следует, что его отцом был Хеннинг Маргейн (Henning Marhein), получивший гражданство города Гамбурга в 1 607 году.

Существует документ, из которого видно, что Хинрих Маргейн, который в Швеции стал зваться Генрихом, после переезда основал на новом месте железоделательный завод. Его сын в 1693 был возведен в шведское дворянство, при этом он сменил свою фамилию на Маннергейм. В 1 768 году Маннергеймы были возведены в баронское достоинство, а в 183 5 году майор шведской службы Карл Эрик Маннергейм (1 759–183 7), прадед героя этой книги, становится уже графом. После этого старший сын в семье всегда носил титул графа, а его младшие братья, равно как и представители младших генеалогических ветвей, оставались баронами. Дед будущего маршала и президента Финляндии барона К. Г. Э. Маннергейма, Карл Густав Маннергейм (1 797–1854), занимал высокие государственные должности: несколько лет он губернаторствовал, затем служил президентом надворного суда (гофгерихта) в Выборге. При этом он был известен и как учёный-энтомолог, специалист по жесткокрылым (в 182 7 году его избрали членом-корреспондентом Императорской Академии наук). Отец – барон Карл Роберт Маннергейм (183 5–19 14), крупный промышленник, в лучшие времена вел свои дела с широким размахом, мать – Хедвига Шарлотта Хелена, урожденная фон Юлин, родила в браке семерых детей. Карл Густав Эмиль был третьим по порядку.

Семейство проживало в некогда приобретенном графом Карлом Эриком Маннергеймом имении Лоухисаари, неподалеку от Турку. Родным языком, по-видимому, был шведский, но владели также и финским. Очевидно, понимали и русский язык, так как коммерческие интересы связывали Карла Роберта Маннергейма с российским рынком (с 1809 года Великое княжество Финляндское на правах автономии входило в Российскую Империю). Французское воспитание матери и англофильство отца обеспечили детям разностороннее образование.

В 1880 году, когда Карлу Густаву было 1 3 лет, отец разорился и, бросив семью, уехал в Париж. В январе следующего года умерла мать. Наступили тяжелые времена.

Из «Мемуаров» К. Г. Э. Маннергейма:

«Мне исполнилось 1 5 лет, когда в 1882 году я поступил в кадетский корпус Финляндии. Я был первым из трех поколений Маннергеймов, кто посвятил себя военной карьере. Однако в восемнадцатом веке почти все мужчины моего рода выбирали эту карьеру».

Финляндский кадетский корпус в городе Хамина имел прекрасную репутацию. Это учебное заведение дало немало выдающихся военных и государственных деятелей. «Преподавательский состав менялся очень редко, и многие наставники отличались оригинальностью» («Мемуары»). О порядках, заведенных в корпусе, маршал впоследствии вспоминал:

«Для кадетского корпуса были характерны усердный труд и железная дисциплина. Малейшие отклонения от правил пресекались драконовскими мерами, в первую очередь лишением кадетов свободы. Дисциплина в младших классах зависела также от товарищеского суда, который был создан из учащихся двух старших классов с правом вынесения наказаний. У каждого младшего кадета был также и так называемый опекун, обязанный следить за его учебой и поведением».

В 1885 году руководителем кадетского корпуса стал генерал Карл Энкелль, выслужившийся в штабе генерал-лейтенанта М. Д. Скобелева на Русско-турецкой войне. Порядки в заведении стали еще суровее. И, тем не менее, в один из пасхальных вечеров 1886 года кадет Маннергейм решился на самовольную отлучку. Кара последовала незамедлительно: он был исключен из корпуса.

Суровое наказание привело к осмыслению необходимости воинской дисциплины и только усилило стремление сделать военную карьеру. Юный Карл Густав решил непременно получить образование в знаменитом Николаевском кавалерийском училище, находившемся в столице Российской Империи. В течение года он усиленно занимается в Гельсингфорском лицее, где 14 мая 1887 года получает аттестат зрелости. Перед подачей документов в Николаевское кавалерийское училище пришлось с помощью преподавателя за несколько месяцев подтянуть русский язык. Прикомандирован к училищу с 2 сентября и через две недели, 16 сентября, зачислен юнкером рядового звания. На основании п. 1 74 Устава о воинской повинности служба считалась с 1 октября 1887 года. Приказ № 83 Главного Начальника военно-учебных заведений об определении К. Г. Э. Маннергейма в Николаевское кавалерийское училище датирован 1 7 октября 1887 года. В унтер-офицерское звание юнкер был произведен 1 июля следующего года.

После двух лет обучения барон Карл Густав Эмиль Маннергейм окончил курс военных наук по первому разряду и 10 августа 1889 года был произведен в офицеры. Офицерское собрание Кавалергардского полка одобрило кандидатуру корнета барона Маннергейма, однако свободной вакансии в полку не оказалось. Пришлось выбирать другой полк. Выбор барона пал на 1 5-й драгунский Александрийский полк, расквартированный в городе Калиш (Царство Польское).

В декабре 1890 года мечта барона Маннергейма начинает сбываться: корнет прикомандировывается к Кавалергардскому полку, почетным командиром которого была сама императрица Мария Феодоровна. Прибыл в полк 7 января 189 1 года, а Высочайшим приказом от 2 7 июля того же года он уже окончательно переводится в этот полк, где получил должность младшего офицера первого эскадрона.

Весной 1892 года состоялась женитьба успешного, красивого и статного, молодого кавалергарда на Анастасии Николаевне Араповой (1872–193 6), дочери московского обер-полицмейстера генерала Н. У. Арапова, при этом было получено солидное приданое. С той поры барон Маннергейм начал заводить дорогих породистых лошадей, которые брали призы на смотрах и скачках, причем зачастую наездником выступал он сам.

14 мая 1896 года поручик барон К. Г. Э. Маннергейм в качестве младшего ассистента участвовал в коронации Николая II и Александры Фёдоровны. Хорошо известна фотография, на которой он наряду с другим кавалергардом, бароном фон Кноррингом, шагает с обнаженным палашом в центре торжественной процессии в Кремле, непосредственно перед золотым коронационным балдахином.

2 сентября 1897 года барон К. Г. Э. Маннергейм Высочайшим приказом «назначен и. д. состоящего по особым поручениям при управляющем Придворною конюшенною частью». В течение нескольких последующих лет он побывал в Германии, Австро-Венгрии, Бельгии, Англии, где знакомился с методами селекционной работы конных заводов и условиями содержания лошадей в лучших конюшнях. При этом барон оставался в списках Кавалергардского полка и 2 2 июля 1899 года был произведен в штабс-ротмистры, а 6 декабря 1902 года за выслугу лет – в ротмистры (со старшинством с 10 августа 190 1 г.).

29 мая 1903 года ротмистр барон К. Г. Э. Маннергейм прикомандирован к Офицерской кавалерийской школе, причем на основании Высочайшего повеления от 10 января 1904 года он оставлен состоящим для особых поручений при управляющем Придворной конюшенной частью. Высшая кавалерийская школа располагалась в Санкт-Петербурге неподалеку от ком-

плекса зданий Кавалергардского полка, тоже на Шпалерной улице, в бывших Аракчеевских казармах. Начальником школы был генерал-майор А. А.Брусилов. Барон Маннергейм пишет о нем в своих «Мемуарах»:

«Он был внимательным, строгим, требовательным к подчиненным руководителем и давал очень хорошие знания. Его военные игры и учения на местности по своим разработкам и исполнению были образцовыми и донельзя интересными».

С такой основательной подготовкой ротмистр барон К. Г. Э. Маннергейм встретил начало Русско-японской войны. Как известно, в ночь с 2 6 на 2 7 января 1904 года японские миноносцы атаковали русские военные корабли, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура. 2 7 января барон присутствует на церемонии официального объявления Николаем II войны. Первые недели войны запечатлелись в истории морскими сражениями, бомбардировками прибрежных русских крепостей, постановками мин и подрывами на них боевых кораблей. Отправлять на Дальний Восток гвардейские части не предполагалось.

Развертывание сухопутной Маньчжурской армии было завершено лишь к 1 5 марта. Она состояла из двух авангардов, Восточного и Южного, и общего резерва, который располагался в районе города Ляоян. Ни у кого не оставалось сомнений, что скоро грядут и масштабные сражения на суше. Ряды российской армии ускоренно пополнялись охотниками и вольноопределяющимися. Многие офицеры подали рапорты с просьбой перевести их в воинские части, назначенные для ведения боевых действий.

Подобное прошение подал и прикомандированный к Офицерской кавалерийской школе ротмистр барон К. Г. Э.Маннергейм. Он пишет в «Мемуарах»:

«Мою службу в офицерском кавалерийском училище прервала русско-японская война, на которую я записался добровольцем. Генерал Брусилов не одобрил мой поступок. Он считал совершенно бесполезным участие в такой незначительной войне и уговаривал меня отозвать прошение … Однако я не сдался, поскольку твердо решил попробовать свои силы в настоящей войне».

Существует обширная литература о бароне К. Г. Э. Маннергейме, однако его прошение о переводе в действующую армию в опубликованном виде мне на глаза пока не попадалось.

Возможно, оно покоится в недрах какого-нибудь архива и всё еще ждет своего обнародования. Поэтому пока не стану даже строить предположения, каким числом оно датировано. Только подчеркну, что Высочайший приказ по Военному ведомству о зачислении барона К. Г. Э. Маннергейма в штат Офицерской кавалерийской школы, с оставлением в списках Кавалергардского полка, подписан 3 1 августа 1904 года в Петергофе (опубликован в № 19 1 «Русского Инвалида» на следующий день, 1 сентября). Ротмистр был назначен командиром учебного эскадрона и членом учебного комитета школы. Вскоре, видимо, и был дан ход прошению его на Высочайшее имя о переводе в действующую армию …

Часть I
Русско-японская война
1904 год

1. Отправка 2-й Отдельной кавалерийской бригады в Маньчжурию

52-й драгунский Нежинский полк, расквартированный в Ельце, и 51-й драгунский Черниговский полк, расквартированный в Орле, составляли 2-ую Отдельную кавалерийскую бригаду. Штаб бригады находился в губернском городе Орле. Начальником бригады в 1901–1905 годах был генерал-майор Николай Петрович Степанов.

Телеграммы о мобилизации были получены в Орле и Ельце 25 апреля, причем из них стало известно, что полки выступят в поход в начале июня. Следует заметить, что до прибытия этих двух полков в Маньчжурской армии имелся всего один драгунский полк – Приморский. А основную массу конницы составляли казаки, главным образом из тех земель, которые были ближе к месту событий: Амурские, Уссурийские, Уральские, Оренбургские, Сибирские и Забайкальского казачьего войска (Аргунские, Верхнеудинские, Нерчинские, Читинские). Сформированная в конце марта Кавказская конная бригада (2-й Дагестанский и Терско-Кубанский полки) прибыла к местам боев в середине июля. Только в середине октября появилась на фронте 4-я Донская казачья дивизия (19-й, 24-й, 2 5-й и 2 6-й полки).

С начала мая к 2-й Отдельной кавалерийской бригаде было приковано повышенное общественное внимание. Нет сомнений, что и барон К. Г. Э. Маннергейм был хорошо осведомлен из газет о торжествах в Орле. В этот город 6 мая для проведения смотра прибыл сам царь вместе со своим братом, Великим Князем Михаилом Александровичем, тогда официально считавшимся наследником престола (до рождения Алексея Николаевича, Наследника Цесаревича, оставалось еще около трех месяцев). Событие это оказалось особенно знаменательным, поскольку именно 6 мая был день рождения Императора – ему исполнилось 3 6 лет. Улицы на всем пути следования кортежа, от вокзала до Петропавловского собора, были украшены государственными флагами, цветами, гирляндами зелени, коврами и щитами с вензелями Николая II. Особенно роскошно были декорированы Московские ворота и здание Городской Думы.

Газета «Орловские Губернские Ведомости» через два дня, 8 мая (№ 66), так описывала прошедшее событие:

> «На смотровом поле с 7-ми часов утра выстраивались прибывшие, вместе с обозами, в походной парадной форме, полки 2-ой отдельной кавалерийской бригады: 5 1 Черниговский Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Феодоровны и 52 Нежинский, фронтом к Елецкой платформе… Около 8 часов утра на смотровое поле прибыл верхом генерал-инспектор кавалерии, Великий Князь Николай Николаевич и объехал фронт полков, здороваясь с драгунами. В 8 часов от Елецкой платформы верхом на коне, в сопровождении штаба, показался Августейший командующий войсками Московского военного округа Великий Князь Сергей Александрович. Встреченный командиром бригады, генерал-майором Степановым, Его Высочество объехал фронт войск и здоровался с полками… В 8 часов 15 минут Императорский поезд тихо подошел к Елецкой платформе. Государь Император в сопровождении Государя Наследника вышел из вагона и

> был встречен и. д. Губернатора, К. А. Балясным, и вице-губернатором. Сев на коня, Его Величество шагом изволил отбыть на смотровое поле… Раздалось громовое ура; трубачи на правом фланге Черниговцев заиграли поход. Его Величество был встречен Августейшим командующим войсками и генерал-инспектором кавалерии. В сопровождении Государя Наследника, Великих Князей и свиты Государь Император начал объезд линии войск, здороваясь с полками. Протяжные звуки похода сменились народным гимном, штандарты склонились и могучее перекатное ура драгун приветствовало Державного Вождя».

Затем состоялось церемониальное прохождение драгун под марш Черниговского полка, сперва поэскадронно, развернутым строем, а второй раз – резервной колонной. При этом на правом фланге следовали командующий войсками округа Великий Князь Сергей Александрович, генерал-инспектор кавалерии Великий Князь Николай Николаевич и командир XVII корпуса генерал от кавалерии Бильдерлинг. «Орловские Губернские Ведомости» продолжают повествование:

> «По окончании церемониального марша войска снова выстроились в одну линию. Государь Император, выехав на середину фронта и поблагодарив драгун за отличный смотр, изволил поздравить полки с походом и в самых милостивых выражениях высказал уверенность, что драгуны поддержат старую боевую славу своих полков. Затем Государь Император благословил полки иконами Св. Николая Чудотворца, писанными по эмали. На оборотной стороне икон, на серебряной дощечке помещена надпись: “Благословение от Их Императорских Величеств 5 1 – му драгунскому Черниговскому полку. Мая 6-го дня 1 904 г.” Такая же надпись помещена на иконе, подаренной Его Величеством 52-му Нежинскому полку. Громовым ура отвечали драгуны на напутственное приветствие своего Венценосного Вождя».

Такое внимательное отношение Императора ко 2-й Отдельной кавалерийской бригаде, несомненно, произвело впечатление. Поэтому неудивительно, что офицеры и вольноопределяющиеся, горевшие желанием послужить отечеству и набраться военного опыта, стали добиваться перевода именно сюда. Так, в 52-й драгунский Нежинский полк были переведены: из 2 2-го драгунского Астраханского полка поручик Кургоко Дударов и корнет Григорий Фертов, из 24-го драгунского Лубенского полка корнет Андрей Фрейганг, из лейб-гвардии Уланского полка корнеты Николай Стасюлевич и барон Василий Каульбарс.

Что касается вольноопределяющихся, то после завершения выпускных экзаменов в учебных заведениях пополнение ими нижних чинов Нежинского полка оказалось весьма существенным. Из Александровского лицея прибыли граф Кирилл Канкрин, Владимир Уваров и Алексей Хрипунов, а из Императорского Училища Правоведения – Всеволод Аннибал, Евгений Измайлов, Георгий Лонгинов, Борис Романов и князь Андрей Трубецкой. Были добровольцы и из других учебных заведений.

Следует обратить внимание на то, что к началу мая, когда царь лично делал смотр назначенным к отправке на войну частям, с Дальнего Востока стали доходить известия одно тревожнее другого. После ряда катастроф на море, начались неудачи и на суше. 18 апреля в бою на реке Ялу 1-я японская армия генерала Т.Куроки нанесла поражение Восточному отряду генерал-лейтенанта М. И. Засулича. Это обеспечило с фланга высадку на Ляодунском полуострове 2-й японской армии генерала Я. Оку, которой вскоре удалось перерезать железную дорогу на Порт-Артур. Война приобретала крайне неблагоприятные очертания для Российской Империи.

За неделю до отправки на фронт, 3 июня, состоялись еще два смотра. Проститься с полками прибыл командующий Московским военным округом Великий Князь Сергей Александрович с супругой. Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна, как известно, была Августейшим шефом 5 1-го драгунского Черниговского полка. Великокняжеская чета начала своё посещение с Орла. Тут на смотровом поле были выстроены шесть эскадронов Черниговцев, они же и прошли церемониальным маршем в развернутом строю. Затем командующий подъехал к фронту вновь построившихся драгун и обратился к ним с прощальным приветствием. А от Августейшего шефа полка было получено благословение иконой во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

В Ельце в то время еще не было городской газеты, а «Орловские Губернские Ведомости» не осветили должным образом смотр Нежинского полка. Губернская газета на следующий день (№ 88 от 4 июня) лишь поместила краткое сообщение об отъезде Великого Князя в уездный город:

> «В час дня Его Высочество в сопровождении адъютанта, капитана Джунковского, генерал-майора Шейдемана и полковника Стремоухова изволил отбыть на вокзал для дальнейшего следования в г. Елец, где расположен 52-й Нежинский полк – тоже отъезжающий на Дальний Восток».

Нет сомнения, что и прощание с Нежинцами прошло по тому же сценарию, с такими же построениями и церемониальным маршем, с благословением иконой, с пожеланиями благополучного пути и возвращения с победой. Барон К. Г. Э. Маннергейм мог узнать подробности этого последнего смотра, разумеется, гораздо позже, уже в Маньчжурии, от новых сослуживцев.

Отправка Нежинских драгун на Дальний Восток заняла три дня. В пятницу, 1 1 июня, ушли первые три эшелона (1-й, 2-й, 3-й эскадроны и часть обоза), 12 июня – еще три (4-й и 5-й эскадроны, штаб полка и другая часть обоза), а в воскресенье – последний эшелон, с 6-м эскадроном. Из-за трудностей с продвижением по одноколейной Транссибирской магистрали, да еще с конным маршем вокруг Байкала, до места назначения добирались больше месяца. Лишь 16 июля первые два эшелона (с 1-м и 2-м эскадронами) прибыли на станцию Янтай, в 20 верстах к северу от Ляояна. На следующий день появились 3-й и 4-й эскадроны, а затем, через такой же временной интервал, были благополучно доставлены 5-й и 6-й эскадроны со штабом и обозом. В те же дни на станции Янтай выгружались и эскадроны Черниговцев. Таким образом, в воскресенье, 18 июля, вся бригада оказалась в сборе, и вечером того же дня полки выступили походным порядком в южном направлении. Так началась для драгун военная страда.

2. Офицеры 52-го драгунского Нежинского полка

Готовясь к поездке на Дальний Восток, барон К.Г.Э.Маннергейм, вероятно, навел кое-какие справки о своих будущих однополчанах. В большинстве своем они не имели реального боевого опыта. Это и неудивительно: ведь Россия давно не сталкивалась с крупными военными конфликтами.

Впрочем, имелось несколько офицеров, как говорится, понюхавших пороху. Так, подполковник персидский принц Али Кули Мирза (р. 2 мая 1854 г., Шуша, Нагорный Карабах) вскоре после окончания Тифлисского кадетского корпуса (в 1875 г.) принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в составе 1 64-го пехотного Закатальского полка, был ранен в кисть левой руки. За отличие в боях награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». После войны перешел в кавалерию, в 1 7-й драгунский Северский Его Величества Короля Датского полк, затем, по окончании курса Офицерской кавалерийской школы, направлен в Орел для прохождения службы в 5 1-м драгунском Черниговском полку (ВП от 1 2 ноября 1896 г.). И уже оттуда он был переведен в Елец, в 52-й драгунский Нежинский полк (ВП от 2 6 июля 1903 г.). К этому времени у него появился еще ряд наград: ордена Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, орден Св. Анны 3-й степени, орден Св. Равноапостольного князя Владимира 4 ст. с бантом и персидский орден «Шири Хуршид» («Льва и Солнца»). Персидский принц Али Кули Мирза был незаурядной личностью: он любил книги, изучал языки, увлекался верховой ездой, охотой и особенно фотографией.

Двум другим подполковникам, Николаю Николаевичу Мирбаху и Владиславу Валериановичу Нарбутту, помощнику командира полка по хозяйственной части, повоевать в своей жизни не довелось. Своего положения они достигли обычным усердием и исполнительностью. В Елец они попали в разное время: В. В. Нарбутт вместе со своим эскадроном 18-го драгунского Клястицкого полка при формировании нового драгунского полка, 52-го Нежинского, в 1896 году, а Н. Н. Мирбах – по переводу из 24-го драгунского Лубенского полка в мае-июне 1903 года. Таким образом, штаб-офицеров в полку было достаточно. Но это по штатному расписанию мирного времени. С наступлением войны открывались дополнительные вакансии. Это и способствовало попаданию барона К. Г. Э. Маннергейма в списки полка.

Перед самой отправкой на фронт, 8 июня 1904 года, к 52-му драгунскому Нежинскому полку был прикомандирован полковник Генерального штаба Сергей Петрович Ванновский, сын генерала от инфантерии П. С. Ванновского (182 2–1904), военного министра в 188 1–1898 годах и министра народного просвещения (190 1–1902) Российской Империи. Этот тридцатипятилетний штаб-офицер успел проявить себя в боях на границе с Афганистаном, а совсем недавно, в 1900 году, уже в звании подполковника, принял участие в Китайском походе. После того он состоял правителем дел по учебной части Офицерской кавалерийской школы. Барон К. Г. Э. Маннергейм, конечно, был с ним хорошо знаком, ведь больше года их пути пересекались в этой школе. Возможно, именно поэтому барон и пожелал попасть именно к Нежинцам.

В полку был еще один офицер с серьезным боевым опытом – ротмистр Алексей Яковлевич Загорский. В двадцатилетнем возрасте, будучи еще унтер-офицером, он принял участие в Русско-турецкой войне. За мужество и храбрость в боях под городом Филиппополем (3, 4 и 5 января 1878 г.) был награжден Знаком отличия Военного ордена 4-й степени. Затем окончил Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище, Высочайшим приказом от 14 января 1881 года произведен в корнеты. Долго служил в 9-м гусарском (2 7-м драгунском) Киевском полку. В сентябре 1896 года его эскадрон был выделен на сформирование 52-го драгунского Нежинского полка, где он вскоре был произведен в ротмистры (ВП от 1 5 марта 1897 г.) и утвержден командиром 5-го эскадрона. Из наград за всё прошедшее время появилась только

светло-бронзовая медаль в память Русско-турецкой войны и орден Св. Станислава 3-й степени за выслугу лет.

Остальные ротмистры, судя по их послужным спискам, боевого опыта совсем не имели. Командир 1-го эскадрона Илья Иванович Смирнов, начав в 1883 году службу корнетом в 3 0-м драгунском Ингерманландском полку, был переведен штабс-ротмистром в 52-й драгунский Нежинский полк (ВП от 12 ноября 1896 г.) и вскоре тут стал ротмистром (ВП от 1 5 марта 1897 г.). Но выше по служебной лестнице не продвинулся.

2-й эскадрон был принят штабс-ротмистром Константином Васильевичем Дараганом (р. 14 мая 1875 г.) в начале 1904 года, три месяца спустя, 1 2 апреля, двадцативосьмилетний офицер был произведен в ротмистры.

Командир 3-го эскадрона ротмистр Николай Петрович Коломнин (р. 2 6 мая 1863 г.) посвятил военной службе всю свою жизнь. Выпускник Орловской Бахтина военной гимназии (188 1 г.), он в 1883 году окончил по первому разряду полный курс наук в Николаевском кавалерийском училище и затем прошел путь от корнета до ротмистра в 24-м драгунском Лубенском полку. В октябре 1895 года его командировали в Офицерскую кавалерийскую школу, однако ввиду перехода школы на новое положение в августе следующего года его отчислили и вернули обратно в полк. А вскоре, в октябре 1896 года, вместе со своим эскадроном он был отправлен на формирование 52-го драгунского Нежинского полка. И с тех пор никакого продвижения по службе.

Командир 4-го эскадрона ротмистр Александр Дмитриевич Дросси (р. 28 августа 1866 г.) был утвержден в этой должности 16 мая 1900 года. По окончании в 189 1 году Елисаветградского кавалерийского юнкерского училища направлен корнетом в 18-й драгунский Клястицкий полк. В 52-й драгунский Нежинский полк переведен штабс-ротмистром 5 января 1897 года. Через два года был произведен в ротмистры (ВП от 1 5 марта 1899 г.) и 9 октября принял эскадрон.

И командир 6-го эскадрона, поляк Карл-Болеслав Тупальский (р. 16 апреля 1870 г.), выпускник Николаевского кавалерийского училища (189 1 г.), тоже попал в 52-й драгунский Нежинский полк из 18-го драгунского Клястицкого. Случилось это при формировании полка в октябре-ноябре 1896 года. После этого он перебывал на разных должностях: хозяина офицерского собрания, заведующего полковой учебной командой. Приходилось ему временно командовать и 1-м, и 2-м, и 3-м, и 4-м эскадронами. Наконец, он был произведен в ротмистры (ВП от 12 июня 1902 г.) и в том же году 8 июля утвержден в должности командира 6-го эскадрона.

Все ротмистры, кроме А. Я. Загорского, носили всего лишь по одному скромному ордену Св. Станислава 3-й степени, разумеется, без мечей и банта. У некоторых имелась еще серебряная медаль в память царствования Императора Александра III. И это – всё! Отсутствие боевых наград красноречиво говорило об отсутствии боевого опыта.

Зато у командира Нежинцев полковника Павла Александровича Стаховича (р. 14 января 1865 г.) вся грудь была в орденах и медалях. Карьера его складывалась весьма успешно: он был, что называется, баловнем судьбы. В 9 лет его зачислили пажом к Высочайшему Двору, после обучения в Пажеском корпусе – производство в корнеты, в Кавалергардский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полк (14 августа 1884 г.). Через три года был зачислен в Николаевскую Академию Генерального штаба. Курс наук в Академии окончил по 1-му разряду и был причислен к Генеральному штабу. Потянулись будни штабной работы, разнообразие в которые внесло недолгое цензовое командование эскадроном в 3-м драгунском Сумском полку да прикомандирование на полгода (в 1899 г.) к 52-му драгунскому Нежинскому полку для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства. Затем началась более интересная жизнь: числясь делопроизводителем в канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба, полковник П. А. Стахович побывал в командировке в Южной Африке, где наблюдал за действиями британских войск на первом этапе

Англо-бурской войны. Вследствие этого в 190 1 году получил от короля Великобритании Эдуарда VII памятную медаль. Следует заметить, что к этому времени он собрал уже довольно значительную коллекцию отечественных наград: ордена Св. Станислава и Св. Анны, оба 3-й степени, орден Св. Владимира 4-й степени, серебряную медаль в память царствования Императора Александра III и еще две медали в память коронаций 1883 и 1896 годов. Иностранные регалии тоже не обходили стороной: был пожалован офицерский крест французского ордена Почетного Легиона (1897 г.), болгарский орден Св. Александра 3-й ст. (1898 г.), бухарский орден «Золотой звезды» 2-й ст. (1902 г.). Удивительно! Награды сыпались, хотя герой ни в одном сражении не участвовал. 6 декабря 1903 года полковник получил очередной орден – Св. Владимира, более высокой, 3-й степени. А через две с половиной недели, 24 декабря, он был Высочайшим приказом назначен командиром 52-го драгунского Нежинского полка. Правда, к месту нового служения он отправился только 19 января 1904 года, прибыл же и принял полк 2 3 января. До внезапной атаки японцев на Порт-Артур оставалось три дня …

3. Сражения под Ляояном и на реке Шахе

XVII-м армейским корпусом Маньчжурской армии командовал генерал от кавалерии барон А. А. фон Бильдерлинг, который был начальником Николаевского кавалерийского училища как раз в годы обучения там барона К. Г. Э. Маннергейма. Теперь этот корпус составлял костяк Восточной группы под Ляояном. Неудивительно, что и общее командование группой возложено было на генерала Бильдерлинга. 2-ю Отдельную кавалерийскую бригаду направили в район Сыквантунских сопок у реки Тайцзыхэ, на присоединение к войскам Восточного фронта (так стала называться группа, состоявшая из III-го Сибирского, X-го и XVII-го армейских корпусов – всего 85 тысяч человек и 295 орудий).

Японское командование, оставив против Порт-Артура осадную 3-ю армию генерала М. Ноги, повело наступление вдоль железной дороги на север силами двух дивизий 2-й армии генерала Я. Оку и двух недавно высаженных дивизий 4-й армии генерала М. Нодзу. С юго-востока на Ляоян через горные перевалы наступали три дивизии победоносной 1-й армии генерала Т. Куроки.

Поскольку ротмистр барон Маннергейм в это время еще находился в Санкт-Петербурге и никак не был связан с Нежинскими драгунами, ограничусь кратким описанием сражений, в которых принял участие полк в конце лета и в начале осени 1904 года.

На первом этапе выстраивания обороны под Ляояном на Нежинцев были возложены важные для всей армии задачи: они должны были освещать местность и вести наблюдение за противником на левом берегу Тайцзыхэ, обеспечивать летучую почту протяженностью в 50 верст между Ляояном и штабом войск Восточного фронта, поддерживать связь на правом фланге XVII-го корпуса с X-м корпусом, очистить тыловой район у Янтайских копей от хунхузов и рекогносцировать пути возможных перемещений нашей группировки. Весь район наблюдения полка был разбит на три участка, и в каждый назначался офицерский разъезд силою в 18 коней. Разъезды сменялись через двое суток.

Подполковник Генерального штаба М. К. Дитерихс в своей работе «Несколько страниц из боевой деятельности 52-го драгунского Нежинского полка» делает следующий вывод:

> «Разведки драгун в течение 9-го, 10-го и 1 1-го Августа дали возможность Начальнику войск Восточного фронта составить себе совершенно точное определение района группировки главных сил армии Куроки, а отсюда и делать предположения о возможных действиях японцев в ближайшем будущем…»

Автор отмечает настойчивость при добывании сведений и чрезвычайную добросовестность в донесениях. Все важные сообщения тщательнейшим образом проверялись.

11-го августа армия Куроки перешла в решительное наступление на правый фланг войск Восточного фронта и вскоре вошла в связь с колоннами 4-й армии Нодзу. В ночь на 13-е августа уже все японские армии атакуют по всему фронту. Нападения были отбиты, тем не менее, в ночь на 15 августа главные массы русских войск отходят на казавшиеся более выгодными позиции. Однако теперь, когда после нескольких засушливых дней река Тайцзыхэ обмелела, для японцев открылась возможность внезапно ее форсировать. А на пути отборных соединений армии генерала Куроки находились лишь мелкие посты 52-го драгунского Нежинского полка…

Офицерские разъезды Нежинцев неустанно вели разведку и докладывали о накапливании сил противника на левом берегу Тайцзыхэ. А 18-го августа, в 5 часов 30 минут утра, разъезд корнета Романова донес, что японцы начали переправу вброд у деревень Сёше и Квантун. Драгунам пришлось отступить под сильным огнем, несколько людей и лошадей оказались ране-

ными. Тотчас же для более точного выяснения обстановки был выслан эскадрон и еще один офицерский разъезд. С переправляющимся противником завязалась перестрелка, но вскоре выяснилось, что на наш берег у Саканя переброшена дивизия пехоты с артиллерией и кавалерией, а у деревни Канкватун наводится мост на лодках. Донесение полковника П. А. Стаховича, посланное в 6.30 утра, пройдя через штаб Передового отряда и штаб 35-й дивизии, было получено в штабе XVII-го корпуса в 9 часов утра. И тут выяснилось, что генерал от кавалерии барон А. А. фон Бильдерлинг, прекрасный кабинетный работник, специалист по обучению военных кадров, любитель поэзии М. Ю. Лермонтова и изобразительного искусства, к сожалению, не обладал полководческим даром. Весь его корпус стоял на Сыквантунских высотах против переправившейся за ночь японской дивизии (той самой, что в апреле героически форсировала р. Ялу у Тюренчена) – но так и не была предпринята попытка сбросить врага в реку энергичным ударом. Штабом корпуса были «категорически воспрещены наступательные действия, чтобы преждевременными боями не нарушить планов командующего армией».

К вечеру 18 августа положение войск генерала Куроки, столь рискованное еще утром, стало достаточно прочным на укрепленных позициях. Затем, по мере подхода новых сил, наступательные действия продолжились: гвардейская резервная бригада двинулась на Янтайские копи, а основные силы атаковали Нежинскую сопку. Словосочетание это часто встречается в газетных корреспонденциях и прочих публикациях того времени, однако сразу же следует заметить, что название свое сопка получила не в честь драгунского полка, а потому что ее некоторое время удерживал 137-й пехотный Нежинский полк. После упорного боя эта важная высота, составлявшая левый фланг XVII-го корпуса, оказалась в руках японцев. Таким образом, Сыквантунская позиция, предназначенная служить осью захождения русской армии, была потеряна. Весь план действий рушился.

Чтобы отвоевать Нежинскую сопку, стали накапливаться войска, но когда было достигнуто троекратное превосходство над живой силой противника, внезапно разразилась катастрофа: отряд генерал-майора Н. А. Орлова, состоявший из свежих, только что прибывших из России необстрелянных войск, наступая южнее Янтайских копей для содействия левому флангу XVII-го корпуса, наткнулся в высоком гаоляне на превосходящие силы противника, который сам тут же перешел в наступление. Генерал Орлов был тяжело ранен, командир одной из бригад 54-й пехотной дивизии убит. Отступление стало беспорядочным, а вскоре и паническим.

Следует особо подчеркнуть, что 52-й драгунский Нежинский полк был активно задействован в этом неудачном наступлении. Из записей в «Дневнике военных действий» за 20 августа видно, что три эскадрона, спешившись и заняв совместно с сотнями Терско-Кубанского полка гребень одной из высот, прикрывали развертывание отряда генерала Орлова. Затем для прикрытия флангов наступавших колонн были назначены: на левый фланг – 1-й эскадрон, а на правый – 2-й. Эти эскадроны продвигались под огнем противника на уровне пехотных цепей, при этом они все время помогали выносить с поля боя раненых пехотинцев. Эскадронный фельдшер Степан Мыльников делал перевязки непосредственно в рядах пехоты, причем даже тогда, когда его самого ранило. Исполняющий должность старшего врача надворный советник Л. Ф. Холодилов, в виду полного отсутствия перевязочных пунктов в пехоте, открыл свой мобильный пункт, работавший последовательно в трех местах, из которых два находились под сильным огнем противника. Когда началось отступление, Нежинцы, по приказанию генерала Орлова, стали медленно отходить на северо-запад, пропуская мимо себя в беспорядке следовавшие пехотные части. Офицеры-кавалеристы по собственной инициативе предпринимали меры по водворению порядка среди пехотинцев.

Но их усилия уже не могли отвратить страшного разгрома под Ляояном…

Через месяц, 19 сентября, в 12 часов дня 52-й драгунский Нежинский полк прибыл в деревню Сахэпу, находящуюся на левом берегу реки Шахе (пишут также – Шахэ). Тут был

отслужен молебен, 18 человек из нижних чинов получили георгиевские ленточки (Знаков отличия Военного ордена в действующую армию еще не подвезли), войска прокричали «ура!» Георгиевским кавалерам, а завершилось всё церемониальным маршем. На следующий день был получен приказ командующего Маньчжурской армией, генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина, о предстоящем наступлении. Получена была и диспозиция на ближайшие дни: полковнику П. А. Стаховичу вверялся отряд – 52-й драгунский Нежинский полк, батальон 11-го пехотного Псковского генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полка и два орудия.

22-го сентября, после молебна, Маньчжурская армия (Западный отряд, Восточный отряд и резерв) перешла в наступление. 52-й драгунский Нежинский полк, в числе прочих частей XVII армейского корпуса, входил в состав правой колонны Западного отряда, которая, сосредоточившись на линии реки Шахе, в дальнейшем должна была наступать по обеим сторонам железной дороги. Прикрытие и наблюдение правого фланга возлагалось на Конный отряд генерал-майора В. П. Грекова, начальника Оренбургской казачьей дивизии. Вообще же Западному отряду ставилась задача привлечь на себя как можно больше сил противника и удерживать их, чтобы тем самым облегчить Восточному отряду обходное движение и удар во фланг и тыл японской группировки.

Подробно действия Нежинцев разобраны в книге подполковника М. К. Дитерихса «Несколько страниц из боевой деятельности 52-го драгунского Нежинского полка», материал для которой автор черпал из опубликованного малым тиражом «Дневника военных действий 52-го драгунского Нежинского полка» (Елец, 1906 г.). Не вдаваясь в подробности, отмечу лишь, что эти дневниковые записи дают ясное представление о том, что и как реально происходило в жарком пекле боев и почему, при отваге и геройстве многих воинов, в целом кампания завершилась столь плачевно. Страницы, посвященные битве на реке Шахе, повествуют о плохом взаимодействии различных отрядов, о слабой их вооруженности, о вечном стремлении командования подравнивать фронт по отстающим и о нерешительности в наступательных действиях. Командир Нежинских драгун, полковник П. А. Стахович, пытался проявлять активность, ставил перед своим отрядом смелые задачи, выбивал противника из рассыпанных вдоль реки деревушек. Но соседние части в самый нужный момент или не поспевали, или вовсе отказывались поддерживать. И тогда отряду приходилось оставлять с трудом захваченные населенные пункт, а потом вновь штурмовать их с большими потерями, как было, например, с деревнями Яндиаван и Тадусампу.

Бросается в глаза, что японцы в то время уже широко применяли пулеметы, это во многом и обеспечивало их превосходство в силе огня. А в Маньчжурской армии легкие переносные пулеметы Мадсена, выпуск которых был налажен в Копенгагене еще в 1900 году, смотрелись тогда в диковинку. Не нашли широкого распространения магазинные винтовки Маузера. Редкостью были тяжелые пулеметы Максима и его же скорострельные орудия, давно уже поставлявшиеся на вооружение различных армий. Явно не хватало горных орудий. Пехотинцы не имели ручных гранат, в разработке которых отечественная инженерная мысль застопорилась на уровне конца XIX века. Командование по старинке больше полагалось на штыки. И за каждую удачно проведенную штыковую атаку офицерам и нижним чинам щедро раздавались награды. Но далеко не всем удавалось прорваться сквозь разрывы снарядов, ружейные залпы и пулеметные очереди.

Сражение на реке Шахе закончилось безрезультатно. Русские войска 30-го сентября вынуждены были отойти на северный берег реки и занять заранее подготовленные позиции. При отступлении отряд полковника П. А. Стаховича понес большие потери: 29-го сентября соединение, которому кроме пехотинцев 11-го Псковского полка были приданы еще батальоны 140-го Зарайского полка, потеряло около 80 бойцов, а 30-го, на переправе, две роты, прикры-

вавшие отход, едва не были отрезаны и в итоге недосчитались 50 человек. Нежинский драгунский полк потерял за эти дни пять нижних чинов убитыми и двенадцать ранеными.

1 октября, в день Покрова Пресвятой Богородицы, был полковой праздник. На сей раз, после тяжелого отступления, он прошел безрадостно.

4. Барон Маннергейм прибывает на театр военных действий

7 октября 1904 года Император в Царском Селе подписывает Высочайший приказ о переводе кавалергарда барона К. Г. Э. Маннергейма в драгунский полк, действовавший в составе Маньчжурской армии. По закону это автоматически приводило к повышению в звании. Опубликован приказ в № 2 19 «Русского Инвалида» от 8 октября:

> «ПЕРЕВОДЯТСЯ: по кавалерии: состоящий в постоянном составе Офицерской кавалерийской школы, Ротмистр Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка Барон Маннергейм – в 52-й драгунский Нежинский полк, Подполковником, с отчислением от названной школы».

Субботним вечером 9 октября подполковник барон К. Г. Э. Маннергейм курьерским поездом, с Николаевского вокзала, отправился в долгий путь. На следующий день он был в Москве, остановился в гостинице «Националь» на углу Тверской и Моховой улиц. Два дня ушли на посещение родственников и утряску личных дел. Наконец, 12 октября скорым поездом отправился в Маньчжурию. В дороге познакомился с некоторыми попутчиками, также военными, ехавшими на Дальний Восток. Интересными собеседниками оказались генерал юстиции С. И. Калишевский и старый контр-адмирал Н. Р. Греве, недавний начальник военного порта в Порт-Артуре, 2 7 августа назначенный командиром Владивостокского порта. На одной из станций компания сфотографировалась.

В «Послужном списке» барона К. Г. Э. Маннергейма имеется запись:

> «Перешел Китайскую границу. . . . 904 Окт 23».

Это означает, что курьерский поезд подошел к пограничной станции Маньчжурия за полночь по местному времени, когда уже наступило 2 3 октября. Из дневника, который барон начал вести в пути, видно, что станция произвела неприятное впечатление своими лачугами и грязным рестораном. К поезду прицепили два вагона с бронированной нижней частью, куда и пересадили всех офицеров. 24 октября эшелон, влекомый тремя паровозами, достиг восточного отрога Большого Хингана и прошел трехкилометровый туннель, а затем знаменитую спираль Бочарова. В постоянную эксплуатацию этот участок железной дороги был введен чуть более года назад.

В Харбин прибыли с суточным опозданием – 2 7 октября. Комендант станции, сверившись с графиками движения, сообщил подполковнику, что вагон с его лошадьми появится не ранее, чем через десять дней. Оставалось только надеяться, что приставленный к лошадям денщик не запустит их – будет регулярно кормить и расчесывать, а на долгих стоянках, при первой возможности, выгуливать.

Карл Густав дал телеграмму во Владивосток своей давней пассии, графине Е. В. Шуваловой, и вскоре отправился к ней сам. Дорога заняла более двух суток. На Дальнем Востоке Елизавета Владимировна оказалась не случайно: она прибыла туда во главе походного лазарета. Трудно сказать, на какой стадии находились в то время отношения этой пары. Барон и графиня познакомились в марте 1895 года на скачках в Михайловском манеже. Елизавета Владимировна (урожденная княжна Барятинская) была супругой графа Павла Петровича Шувалова, гвардейского полковника, флигель-адъютанта, одного из создателей в 188 1 году «Священной Дружины», противоборствовавшей террористам. В молодости он окончил юридический факультет столичного университета, затем стал доктором права Гейдельбергского университета. По словам современников, граф был человеком неглупым, но морфинистом, одержимым

разными навязчивыми идеями. Личная жизнь не задалась, детей у четы не было. Утверждают, что граф П. П. Шувалов тяжело переживал роман жены с красавцем-кавалергардом, который был младше ее на двенадцать лет. Тёмная какая-то история, и на ней, по-видимому, не стоит задерживаться, тем более что каких-либо новых документальных свидетельств не имеется. И вообще погружение в описание столичной светской жизни барона К. Г. Э. Маннергейма выходит за рамки данной монографии.

Однако, следует всё же обратить внимание на то, что в целом жизненные обстоятельства осенью 1904 года для барона складывались неблагополучно. Его жена, Анастасия Николаевна, устав от семейных раздоров и измен мужа, в начале 1903 года забрала документы на свои родовые имения, закрыла все банковские счета в России и перевела деньги во Францию, куда и отбыла с дочерьми Анастасией и Софией. Официального развода не было. А графиня Е. В. Шувалова, муж которой скончался в 1902 году, стала всё настойчивей требовать официального оформления «гражданского брака». Материальное положение барона ухудшалось, долги росли, офицерского жалованья не хватало на покрытие всех расходов. Для того, чтобы экипироваться и доехать до театра военных действий, подполковнику пришлось взять крупную ссуду в банке, под два страховых полиса.

Барон вернулся из Владивостока в Харбин 3 ноября, после чего направился в Мукден, куда прибыл 9 ноября. То, что этот путь тогда был неправдоподобно долог, подтверждает и очерк хорунжего А. Н. Панчулидзева «Война с Японией», публиковавшийся в «Пажеском сборнике» в 1907–1908 годах. Прикомандированный к 52-му драгунскому Нежинскому полку хорунжий выехал из Харбина 7 ноября. Он вспоминает:

> «Медленность сообщения между Харбином и Мукденом во время минувшей кампании памятна всякому, кому по своим ли делам или по казенной надобности пришлось хоть раз воспользоваться услугами Восточно-Китайской ж. д. для путешествия между этими городами. И на сей раз поезд доставил меня в Мукден лишь вечером на пятые или шестые сутки…»

Начиная с 8 октября, вот уже больше месяца, 52-й драгунский Нежинский полк стоял в деревне Эльтхайза, в окрестностях Мукдена, где тогда находилась Главная Квартира. Направляющиеся в полк обычно следовали вдоль железной дороги на юг до станции Коулоуцзы (здесь располагался штаб XVII корпуса), а оттуда, повернув на запад и преодолев еще 6 верст, добирались до нужной деревни. Этот же путь проделал и барон. Комендант вокзала, указав прибывшему драгунскому подполковнику, где находятся его денщик и лошади, выделил ему для багажа двухколесную арбу и упряжную четверку.

Барон записал в дневнике:

> «Я отправился в часть, которая размещалась в 2 1 километре к югу от Мукдена, сев на Талисмана, а двое моих солдат ехали на Брудасе и Арбусе. Ехали на рысях, чтобы до наступления темноты быть в штабе 17-го корпуса».

Выделенные солдаты-проводники помогли добраться от штаба до деревни Эльтхайза. Вот какой она предстает со слов А. Н. Панчулидзева:

> «Дер. Эльтхайза была расположена на левом берегу реки Хунхэ, верстах в 1 6-ти к юго-западу от Мукдена. Она отличалась тем от прочих китайских деревень, что фанзы в ней не были расположены по обеим сторонам одной или нескольких улиц, а, наоборот, стояли отдельными группами вокруг большой площади, среди которой стояла маленькая кумирня. Эти группы фанз, похожие на хутора, были расположены как бы рядами. Таких рядов было два. В восточном ряду, наиболее удаленном от реки, стояли в четырех группах фанз 3-ий эскадрон, штаб полка, 1 – ый и 4-ый. В западном ряду,

> ближайшем к реке, помещались в двух группах фанз 5-ый и 2-ой эскадроны. Один из эскадронов попеременно находился на летучей почте. В ноябре на постах летучей почты стоял 6-ой эскадрон…»

Далее А. Н. Панчулидзев вспоминает, как, войдя в фанзу, занятую штабом полка, он застал за обеденным столом командира полка полковника П. А. Стаховича, подполковника В. В. Нарбутта, полковника С. П. Ванновского, полкового адъютанта поручика И. В. Бранда 1-го, священника о. Владимира Колосова, врача Холодилова и ветеринара Исполатовского, полкового делопроизводителя Васильева и ординарца командира полка вольноопределяющегося Аппеля. Подполковник барон Маннергейм, прибывший в полк, как отмечено в его «Послужном списке», 1 0 ноября, очевидно, застал и китайскую деревню в том же виде, и компанию в штабе полка в том же составе. Он записал:

> «Командир принял меня дружелюбно и представил присутствующим офицерам, среди которых был полковник Сергей Ванновский, мой товарищ по кавалерийской школе. Скоро пришел ротмистр Дараган, командир 2-го эскадрона, с которым мы направились в эскадрон».

Период с середины ноября почти до конца года, когда 2-я Отдельная кавалерийская бригада находилась в резерве, барон в своем дневнике отмечает как весьма нудный и бессодержательный:

> «Жизнь крайне однообразна. Газеты получаем крайне нерегулярно, полное отсутствие книг… Жизнь в нашей фанзе начинается поздно… беспорядок царит до 1 2 часов… Я обычно пытаюсь избежать утреннего беспорядка и выезжаю сразу на верховую прогулку… День оканчивается ужином в восемь часов, который продолжается до поздней ночи как громкоголосая общая вечеринка».

А в «Мемуарах» пишет:

> «Моральное состояние армии падало, участились пьянки. Лень, безразличие и всевозможные злоупотребления были характерны для всех войсковых подразделений, что еще больше добавляло расслабленности».

А. Н. Панчулидзев в своем очерке дает не столь безотрадную картину. Правда, водка и закуски в его повествовании возникают, но ситуация при этом не драматизируется. Наоборот, бодрый тон молодого хорунжего (в драгунском полку ставшего корнетом) подводит к выводу, что Нежинцы обжились в деревне Эльтхайза основательно, прочно: и обогреться сумели, и прокормиться.

> «Продукты приобретались частью на месте, частью во время фуражировок, но большей частью привозились из Мукдена, где покупались или в вагонах-лавках экономических обществ – Гвардейского и Московского, или же в самом городе, в лавках маркитантов, греков и особенно армян, которых наехало видимо-невидимо. Обыкновенно закупки производились тем из офицеров или вольноопределяющихся, который ехал в Мукден. В Мукден ездили часто, почти всегда верхом. В тех случаях, когда предполагалось захватить с собой много вещей, которые разложить по кобурам было бы невозможно, снаряжалась двуколка. Жаловаться было бы грешно, мы ели хорошо, а принимая во внимание, что полоса, занятая нашей армией, была настолько разорена, что в ней трудно было сыскать хотя бы пару яиц, можно сказать, что мы питались сравнительно роскошно…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.